

18+

Когда спасти нельзя,
но можно быть рядом

Наталия Лаврентьева

Я рядом
~ ОТЕЦ ~

Наталия Лаврентьева

**Я рядом. Отец. Когда спасти
нельзя, но можно быть рядом**

«Издательские решения»

Лаврентьева Н.

Я рядом. Отец. Когда спасти нельзя, но можно быть рядом /
Н. Лаврентьева — «Издательские решения»,

Я обещала отцу, что мы справимся. Но однажды наступает момент, когда спасти нельзя — можно только быть рядом. «Я рядом. Отец» — честная, живая и пронзительная история о болезни, семье, бессилии, любви и памяти. Книга для тех, кто терял близких, не успел сказать главное и учится жить после утраты.

Содержание

Глава 1. Бесстрашная	6
Глава 2. Испания	9
Глава 3. УЗИ	11
Глава 4. Семья	12
Глава 5. Онкоцентр	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Я рядом. Отец Когда спасти нельзя, но можно быть рядом

Наталья Лаврентьева

© Наталья Лаврентьева, 2026

ISBN 978-5-0070-2012-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все права защищены.

Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена, распространена или передана в любой форме и любыми средствами, включая электронные, механические, фотокопировальные, аудиозапись и иные, без предварительного письменного разрешения правообладателя, за исключением краткого цитирования в рецензиях, обзорах и публикациях с обязательным указанием автора и названия книги.

Эта книга является автобиографическим произведением. Имена, детали и отдельные обстоятельства в тексте могут быть частично изменены автором по этическим и художественным соображениям.

Глава 1. Бесстрашная

Я сидела, уставившись стеклянными глазами в монитор, и читала очередную историю о бесплодии, которая закончилась неожиданной и долгожданной беременностью. Так бывает после нескольких мучительных лет попыток: когда вроде бы причин нет или, наоборот, всё настолько плохо, что самостоятельная беременность кажется невозможной.

Я варилась в этом уже четыре года. А ждала этого с тех пор, как начала жить со своим вторым мужем. Мы с ним договорились: мне нужно сперва закончить учёбу на заочном, а потом уже думать о детях. Заочное обучение мне совсем не мешало, но спорить я не стала. Всё-таки ребёнок — это должно быть желанием двоих. Я была молода, здорова и времени впереди было море.

Спустя пять лет, когда пришло «долгожданное время», я, как правильная девушка, пошла к врачу — провериться. Врач внимательно меня осмотрела и сказала, что таких здоровых людей ещё поискать надо. А потом благополучно отправила меня продолжать род человеческий.

Первые три месяца я была воодушевлена. На четвёртый начала потихоньку залезать в интернет с разными запросами. Почитала — успокоилась: в течение первого года это нормально, что беременность не наступает. Но с каждым месяцем тревога нарастала, а мой беспокойный ум искал ответы во всемирной базе «ВСЕГО».

Спустя четыре года безуспешных попыток забеременеть я уже могла бы написать диссертацию о причинах бесплодия. Моими учителями стали не только интернет, но и множество врачей, которых я прошла в поисках родительского счастья. Там ещё были знахари, травники, колдуньи, гадалки... Путь был длинный, извилистый. Ах да — ещё были врачи-извращенцы.

Очень много чего я узнала. Дорогу осилит идущий — я не сдавалась. Мой мужчина не был в восторге от моих терзаний, но и против ничего не говорил. Он молча соглашался на обследования, поначалу даже утешал. Потом, как будто смирился и просто жил: делал то, что я просила, без споров и без особого участия.

Благо, что у меня есть сын от первого брака — прекрасный, добрый, озорной мальчишка с лучистыми глазами. Одного его взгляда было достаточно, чтобы в миг забыть обо всём: настолько он был светлым.

Я отвернулась от монитора и посмотрела на коллег — каждый был в работе. Время — двенадцать. Обед. Я соскочила с кресла, схватила сумочку и побежала вниз.

«Как здорово, что у меня есть машина», — думала я каждый раз, запрыгивая в своего синего Матизика и ласково называя его своим мальчиком.

Я вырулила с рабочей парковки и помчалась на обед к родителям: они жили в десяти минутах езды. Это с учётом ненавистного перекрёстка, на котором мне надо было всех пропустить, а потом повернуть.

Я была трусливым водителем с небольшим стажем. Помню первые дни, когда одна садилась за руль: коленки реально дрожали. Несколько глубоких вдохов — завела, поехала. Дорога от стоянки до работы — три километра по прямой. Потихоньку осваивалась.

Ура, повернула на перекрёстке, первая... Потому что никого не было. Теперь по главной, погнались. Я наслаждалась вождением, столько можно успеть, когда есть машина. Например, съездить на обед к родителям, а не готовить и собирать с собой еду на работу, как раньше.

Я съехала с асфальта на грунтовку, в частный сектор — хотелось покурить. Я не люблю курить на открытом месте: там кругом поле. Каждый раз, когда ехала на обед, останавливалась возле кустарника — выходила из машины, курила, с наслаждением втягивая дым и отключаясь на эти пару минут от всего, что мучило, волновало и доставало.

До дома родителей оставалось метров пятьсот. Жвачка — перед входом во двор. Духи — резкие. Не хочу, чтобы родители почувствовали табак. Они знали, что я курю, и это им не нравилось. Папа, когда увидел меня с сигаретой, обозвал девушкой лёгкого поведения. Я тогда резко возразила: на минуточку, мне уже тридцать плюс, и я вольна делать что хочу. Я же взрослая уже. Пыталась доказать папе, что сигареты с легкодоступным поведением вообще никак не связаны. Но, естественно, было бесполезно. Мама просто печально качала головой.

Я давно хотела бросить курить, но никак не могла. Когда начала планировать беременность — не курила. Даже мужчину своего заставила бросить. Но через несколько лет безуспешных попыток я снова закурила. Придумала свой способ бросить курить: пыталась себя запугать — если не брошу, со мной случится нечто страшное, ужасное.

Я не знала, как именно жизнь умеет пугать по-настоящему.

Во мне жила твёрдая уверенность, что я со всем справлюсь: и работу найду, и сына воспитаю, и институт закончу — и вообще я — Огонь. Всё зависело от того, на что упадёт мой взор и чего возжелает сердце. Страх, с которыми я бы не справилась, моё воображение не могло придумать. Поэтому аргумент «если не брошу — случится что-то страшное» работал недолго: часа три. Потом снова проверяла себя — действительно ли я боюсь то, что придумала? Не нащупав и капли страха, найдя миллион решений, становилась бесстрашной. И шла курить.

Подъехав к дому родителей, я брызнула на себя крепкими духами. Запах был резкий, мне он не нравился. Я купила их по каталогу — понравился флакончик, красивенький. Возвращать не стала. Духи долго лежали в машине, пока не пригодились: я пользовалась ими только после сигареты, прежде чем зайти к родителям.

Не успела я выйти из машины, как открылась калитка — и навстречу вышел папа.

— Привет, Наташенька! — Он дождался, пока я выйду из машины, подойду к нему и наклонился поцеловать меня в щёку. — Вкусно пахнешь.

— Привет, пап. Спасибо. Как дела?

— Да вот, решил кучу земли перетаскать, а то мешает. — Он указал на кучу у забора.

— Понятно. Мама дома?

— Да, на стол накрывает.

— Тогда я бегу обедать.

Я постаралась быстрее ретироваться, чтобы он не уловил запах табака. Влетела в дом и сразу к раковине — мыть руки.

— Привет, мам.

— Привет. Что будешь кушать? Суп, гречка с котлеткой? Салат на столе. Сметанки достать?

— Да, давай суп. Спасибо.

Поцеловав маму, я плюхнулась на диван в кухне-гостиной. Диван стоял рядом с огромным обеденным столом. Мне очень нравился этот стол: добротный, деревянный, весь украшен вензелями, раздвижной. Он был куплен специально для большой семьи, для застолий, даже в сложенном виде, он всё равно был большим. Мама тут же поставила передо мной тарелку супа. Обед длился всего сорок минут, поэтому всё было быстро. Как же это приятно, когда о тебе заботятся.

Я усиленно жевала, а мама смотрела на меня. Потом присела на другой край дивана и сказала:

— Ты знаешь, Наташ, мы с папой, наверное, не поедим на море в этом году.

Я недоумённо уставилась на неё, даже жевать прекратила. Почему? Никаких причин, которые могли бы помешать, на мой взгляд, не было.

Родители всего пару лет назад закончили трудовую деятельность на Урале и переехали к нам, на Кавказ. В первый год они четыре раза за лето ездили на море — и в этом году тоже

были большие планы: свозить родственников с севера, свозить внуков, свозить себя — наконец, понаслаждаться морем.

— Почему? Вроде уже всё решили.

Мама отвела взгляд:

— Папу надо бы проверить. Он как-то странно выглядит. Глаза пожелтели, животик появился... и устаёт быстро.

— Ничего я не устаю! — крикнул папа с улицы, проходя мимо открытой двери.

Я пожала плечами. Странно. Я ничего такого не заметила — вроде такой же.

— Ну хорошо. Пусть проверится. На море можно и позже поехать.

Я сказала это спокойно, хотя внутри немного расстроилась из-за того, что придётся планы менять. Была уверена, что так и будет: проверится и они поедут.

Пообедав, я вышла во двор вместе с мамой. Папа перекидывал лопатой кучу земли, привезённую для огорода. Он был по пояс раздет, в одних рабочих брюках. Несмотря на то, что лето только начиналось, он уже загорел. В свои шестьдесят два выглядел отлично: сильные плечи, накачанные руки, рельефный пресс. Где у него там «животик» — было непонятно.

Я подошла попрощаться и внимательно посмотрела ему в глаза. Не такие ясные, как в молодости, но и желтизны я не увидела. Ничего серьёзного я не заметила и тут же забыла об этом.

Мы попрощались, я помчалась обратно — работу работать.

Глава 2. Испания

Море... как же это хорошо. Мне тоже очень хотелось на море — да со своим любимым. Я мечтала об этом. Прошлым летом у нас не получилось съездить на море, потому что море работы было тут, без выходных и проходных.

У меня было две работы, одна творческая — я графический дизайнер. Обожаю свою работу. Другая — бухгалтерская, по вечерам... иногда, часто и по ночам. Это была помощь мужу, который открыл ИП. Он оказывал услуги, я вела бухгалтерию.

На дневной работе, в минуты затишья, мы с коллегами постоянно включали радио. Там часто шли розыгрыши и викторины. Суть одной из игр была проста: первый дозвонившийся и назвавший кодовое слово становился победителем. Я уже не раз пыталась прорваться в эфир, но удача обходила меня стороной.

Призом был авиаперелёт в одну из стран: Испанию, Италию, Францию, Египет. Мне было всё равно куда — важна была сама возможность выиграть. Как знак. Как маленькое чудо.

И вот в этот день удача была на моей стороне — я дозвонилась! Это было невероятно! Внутри бушевало ликование, особенно когда понимаешь, какова вероятность дозвониться. Одна часть меня не могла поверить в такую удачу, другая уже смущённо говорила с ведущим:

— Здравствуйте, вы первым дозвонились на наше радио! Мы поздравляем вас с этим успехом! Представьтесь, пожалуйста.

— Здравствуйте, меня зовут Наталья.

— Откуда вы, Наталья?

— Я живу в маленьком городке на Кавказе.

— Супер, Наталья! Сегодня мы разыгрываем авиабилеты на двоих в прекрасную страну Испанию. Готовы ли вы назвать кодовое слово?

— Да, это слово «счастье».

— Да-а-а, и вы абсолютно правы! Я поздравляю вас! Сегодня у нас есть ещё один победитель! Скажите, Наталья, с кем вы полетите?

— Я полечу с мужем.

— Отлично, не кладите трубку, сейчас мы расскажем, как вы сможете получить свой приз.

У меня внутри всё дрожало и ликовало одновременно. Это было потрясающе. Мне повезло — обалденно повезло. Да, Испания была не самой привлекательной страной — мне больше хотелось в Египет, — но всё равно... Два билета туда и обратно. Денег на отель мы точно найдём. Я была счастлива. Уау!!!

Всё это время я разговаривала по телефону, закрывшись на складе, а в кабинете, где сидели мои коллеги, тихо работало радио на моём компьютере. Его слышала только моя соседка по столу.

Когда я вышла, она смотрела на меня огромными, удивлёнными глазами:

— Это была ты?!

— Ага, я.

— Обалдеть. Ничего себе, как круто! Я тебя поздравляю!

Кристина была моей одногодкой. Мы с ней отлично ладили и прикрывали друг друга в рабочих моментах. Я счастливо ей улыбнулась. Мы разговаривали тихо — всё-таки рабочее место.

Еще немного пошептавшись нам, пришлось вернуться к делам, хотя работать совсем теперь не хотелось. Мысли улетели уже в Испанию, где под моими ногами хрустел мягкий тёплый песок, а волосы перебирал лёгкий бриз. Я сделала тихий глубокий вдох и на секунду как будто почувствовала запах моря. Как это прекрасно.

Потом я подумала о муже и представила, как расскажу ему, как он обрадуется. Взять отпуск на работе не составит труда. И у него тоже не должно быть проблем с отпуском. Организационные и финансовые вопросы — решаемы.

Единственное, что огорчало: я не могла определиться, взять с собой сына или оставить его с родителями. Они всё равно собирались на море. Решила поднять этот вопрос на семейном совете.

Дальше мысли унеслись в магазины: что купить, как одеться, что взять с собой. Это было приятно настолько, что «Остаток» моего рабочего времени грустно просидел на лавочке, болтая ножками.

Вечером я мчалась домой, чтобы скорее обрадовать мужа. Когда рассказала ему про билеты в Испанию, я затаила дыхание — ждала реакции. Представляла, как он с радостью обнимет меня, как мы вместе начнём строить планы.

Но вместо этого я увидела холод в его глазах. Он почему-то не разделил моего восторга. «Халявные» билеты его не прельстили, и он выложил целую кучу отговорок, «железных аргументов», — почему мы не можем никуда ехать. Ни сейчас, ни в обозримом будущем.

— Ты знаешь, это здорово, конечно, но у нас есть работа. В первую очередь надо думать о деньгах. И, потом, кто будет оплачивать отель?

Я давно замечала, что работа занимает у него всё больше места в голове. Муж всё меньше времени проводил со мной и сыном. Он постоянно беспокоился о будущем, а я мечтала о совместном отдыхе — о том, чтобы вырваться из рутины и просто жить.

По сути, он был прав: деньги, на которые мы могли бы рассчитывать, должны были покрыть расходы на отель, кроме этого ещё много других расходов. Но мне было важно другое. Мне хотелось почувствовать его поддержку и простое — «Круто!». Хотелось услышать: «давай подумаем», «давай попробуем». Вместо этого прозвучал холодный расчёт — как дверь, которую закрывают прямо перед носом.

Я почувствовала, как во мне поднимается обида — тихая и вязкая. Но я её придавила привычным движением: ну и ладно. Не буду выяснять отношения. Не буду просить о тепле. Не буду мечтать так громко, чтобы было слышно.

— Ну хорошо, в следующий раз, — сказала я своему отражению в ванной.

Я посмотрела на себя в зеркало: в принципе не плохо, большие серо-голубые глаза, длинные золотистые волосы, курносый нос, широкие скулы, пухлые губы. На мой критичный взгляд, мне сильно не хватало ямочки на щеках. Но и без этого, недостатком внимания у мужчин я не страдала. Даже не смотря на мои широкие бёдра. Конечно, можно было бы немного похудеть. Хорошо, что не поедим сейчас на море, к следующему лету приведу себя в порядок и обязательно поеду на море! Тогда я буду неотразима.

Я улыбнулась себе в зеркале. В очередной раз, убедила себя, что всё хорошо и всё правильно и всё будет, позже, потом, когда-нибудь, возможно скоро, точно — скоро.

Билеты, которые я выиграла — как будто билеты в другую жизнь — остались лежать у меня. Бессмысленные и дразнящие. Смотреть на них было жалко. Я пыталась их кому-нибудь подарить: предлагала сестре, братьям, знакомым. Но у всех находились свои «железные аргументы». Странная штука — жизнь: как будто сорвал джекпот, но не смог им воспользоваться.

Глава 3. УЗИ

Спустя пару дней мне позвонила мама и сообщила, что папе назначили УЗИ. Но в их поликлинике аппарат сломался. Родители жили в городе не так давно и плохо ориентировались в таких местах, поэтому мама спросила у меня, куда можно обратиться.

Я и сама толком не знала, поэтому попросила помощи у мужа. По роду своей деятельности он общался с городскими больницами и быстро договорился о приёме у знакомого узиста.

В назначенное время я отвезла родителей в нужное место. Мама поехала вместе с папой и это было естественно — они всегда были вместе. Чтобы они не заплутали, я проводила их в кабинет и осталась там же — просто потому, что меня никто не попросил выйти.

Узистка, молодая женщина, долго водила датчиком по животу.

— Повернитесь направо. Повернитесь налево. Дышите. Не дышите. Замрите, — командовала она.

Папа послушно выполнял, мама сидела рядом и старалась не смотреть на экран, а я смотрела — потому что не понимала, что там вообще можно увидеть. Пройдя «тысячи» узи по женской части я научилась разбираться в этой области. И сейчас я с интересом наблюдаю, что видно на экране. Одни сплошные пузыри и пятна.

Наконец узистка выдала заключение: образование в районе поджелудочной железы. Рекомендовала сделать компьютерную томографию.

Я не разбиралась в диагнозах и не придавала этому никакого значения. Родители поблагодарили её, и мы уехали. Я отвезла их домой, а сама поехала дальше жить свою грустную жизнь без моря. Я всё ещё переживала из-за несостоявшейся поездки.

Мама тем временем рулила. Она везде ходила с папой по врачам. Я даже не думала о том, почему он не ходит один, взрослый, самостоятельный человек. Ходят и ходят вместе — нормально.

Вечером я позвонила маме, спросила про обследование. Мама сказала, что терапевт направляет папу к онкологу. Они пошли на приём к местному при поликлинике. Онколог отправил на КТ (компьютерную томографию).

Глава 4. Семья

Родители богаты на детей: нас у них пятеро. Мы родились и выросли на Урале, в маленькой деревушке. С детства воспитывались в труде: старшие смотрели за младшими, родители постоянно на работе, а дома — хозяйство и огород.

Работать приходилось много, но и отдыхать, играть, находить приключения мы успевали.

Мама всё время пропадала на работе по сменам, плюс — готовка, стирка, уборка. Она всегда была в движении, заботясь о нас и о доме. Её любовь и спокойная уверенность были тем стержнем, который держал нашу семью вместе, несмотря на все трудности.

Папа работал в основном с восьми утра до пяти вечера. Часто приходил уставший и злой. Если мы с младшей сестрой чего-то не успевали — например, заигрались и не сделали обязанности по дому, то нам могло «прилететь» от папы, чаще мне, как старшей. Зинке, конечно, тоже порой доставалось.

Я была третьим ребёнком в семье. Самая старшая сестра Лидия в шестнадцать лет переехала жить в соседнюю деревню к бабушке, помогала ей по дому и работала. Со старшего брата Сани был другой спрос. А я отвечала за порядок, а потом и за приготовление еды. За мной ещё были младшая сестрёнка — у нас с ней два года разницы — и самый младший братик Даня. Мы с сестрой считали его любимчиком родителей. Мужчина — это выживший мальчик — 100% про нашего Даню. В его случае он умудрялся выживать, имея в наличии двух старших, коварных сестричек. Мы дрались и мирились. Бывало, что дом стоял кувырком, конечно, когда родители были на работе. Позже, когда стали постарше — уже объединялись, в поисках приключений на пятую точку. А когда выросли, по возможности, стали помогать друг другу.

В папиной семье было девять детей. Дом, в котором мы жили на Урале, построил его отец, наш дед. Там и выросла его огромная семья. Но бабушка с дедушкой мечтали о тёплых краях и, как только у них появилась возможность, переехали на Кавказ, забрав с собой почти всех детей. Остался папа с младшей сестрой, которая заканчивала учёбу. Потом они тоже должны были присоединиться к бабушке и дедушке.

Упс. У вселенной были другие планы.

Идёт с работы парень — стройный, сильный, с выразительными каре-зелёными глазами. Идёт не один — с такими же ребятами: молодыми, свободными, весёлыми. Идут, смеются. Видят: стоит девушка перед своим домом, пытается дрова колоть. Кто-то из ребят кричит:

— Да кто ж так колет-то дрова?!

И все дружно начинают хохотать. Девушка не растерялась:

— Если вы такие умные, взяли бы, да и раскололи.

Парни только ещё больше рассмеялись и пошли дальше. И только Коля пошёл колоть. И «прикололся» к моей маме навсегда. Так он и остался на Урале, а все его братья и сёстры уехали вместе с родителями.

Папа с мамой тоже пытались переехать к ним поближе, но обстоятельства каждый раз не складывались. В детстве мы с родителями ездили в гости на Кавказ ежегодно. В одну из таких поездок даже дом смотрели для переезда — но и тогда что-то опять не сложилось.

Сердце отца всегда стремилось к братьям и сёстрам — настолько они были близки, когда вместе росли. Но с возрастом родители перестали об этом говорить, как будто оставили эту идею. Зато папа заразил нас желанием уехать на Кавказ. Ежегодные поездки и его рассказы про детство, про братьев и сестёр зародили мечту.

Первым переехал старший брат Саня, затем он подтянул младших — Зинку и Даню. А потом каким-то невообразимым чудом я, уже замужняя мадам с годовалым ребёнком и мужем, тоже переехала к ним.

Я уехала из ниоткуда так же в никуда. Точнее — к старшему брату. Он звал, заманивал, говорил, что тут яблоки низко растут, и вместе мы справимся с любыми трудностями.

«В городе, где вращаются миллионы, неужели мы не найдём пары тысяч», — так он отвечал на мои переживания по поводу зарплаты, денег и того, на что жить. А тёплый климат и низко висящие яблоки будоражили воображение. Желание быть рядом со своими братьями и сестрой было таким же сильным, как и у папы в своё время.

Мне было страшно переезжать. На мужа не опереться. До сих пор удивляюсь, как он согласился. Мы это сделали вместе, но вместе не прожили и полугодя: развелись, и он уехал обратно.

Постепенно мы все собрались в одном городке — и даже в одной квартире у старшего брата Сани. Наши дяди и тётя, которые жили в этом же городе, помогали, чем могли. Старшая сестра Лида к нам не присоединилась: она уже давно и крепко проросла ещё севернее Урала.

Следующие восемь лет мы ездили друг к другу в гости: родители — к нам, и мы — к ним. Наша деревня с каждым годом умирала: молодёжь разъезжалась, дома без присмотра быстро приходили в упадок — сгорали или сгнивали. Транспортная доступность снижалась. Даже электричество стали подавать с перебоями. А зимой вообще сложно добраться: поезд раз в три дня останавливается.

Не помню, к кому из нас первому пришла мысль, что родителей надо забирать оттуда. Я понимала: в таком возрасте смена климата может пройти тяжело. Я разговаривала с ними о переезде — к нам на Кавказ или к Лиде на север. Их выбор был очевидным. Они решили: как только папа выйдет на пенсию, сразу переедут сюда.

Пока ждали папиной пенсии, младший брат уехал в Питер, старший — в Ростов. Мы с сестрёнкой уже вдвоём встречали родителей и помогали им с обустройством.

Глава 5. Онкоцентр

Я крутая — у меня есть машина. Для «Матиза» слово «машина» звучит гордо.

Почему-то езда на нём у меня всегда ассоциировалась с мультиком про Винни-Пуха. Тот эпизод, где Пятачок бежит с большим воздушным шариком и подпрыгивает на нём, периодически подмахивая ушами в полёте. Мой Матизик был похож на этот шарик, а я — на этого счастливого Пятачка.

Но по трассе на нём было страшно ездить: в наших краях сильные ветра, и порой мне казалось, что ещё чуть-чуть — и я так же подпрыгну на этом «Матизе», и он может лопнуть, как тот шарик из мультика. Поэтому я боялась трасс, а опыт вождения у меня был очень мал. Я ездила только по городу, а если за город — то только в сопровождении кого-то. В большие города я вообще не ездила.

Так как машина была только у меня, я автоматически стала семейным таксистом.

Я повезла папу с мамой на КТ. С собой сказали взять диск для записи.

Пока ехала, вспомнила, как мы на работе собирали деньги на КТ нашему коллеге. Наверное, это было дорого. Тогда я не знала, какая сумма нужна: просто собрали и отдали. Мне было трудно себе представить, каково это бороться с такой серьёзной болезнью не имея никаких средств. У коллеги была опухоль в голове, которая сопровождалась дикими болями. Как-то ко мне подошла наша мастер-управляющая и попросила отвезти его домой, потому что у него начался приступ. Коллега выглядел страшно, корчась от боли в моей машине, пока я его везла к нему домой. Мурашки бегут по телу, когда это вспоминаю.

Сейчас я сама оплатила отцу КТ — да, недёшево, но вопрос о деньгах не стоял: к тому времени моя зарплата это позволяла.

Мы вместе зашли в коридор и сели ждать. Вышла медсестра, сказала снять всё металлическое и спросила, есть ли импланты. У папы ничего не было. Он зашёл, а мы с мамой остались.

Ни я, ни мама по натуре не сильно разговорчивые. Может быть, просто нам не о чём много говорить. В основном — коротко и по существу. Просто так мы не болтали. Если были вопросы, проблемы или задачи — обсуждали, решали, планировали. А о чувствах говорить не умели: то ли не чувствовали, то ли не знали как. Мы молча сидели и ждали.

Папа вышел из кабинета и смущённо улыбался. Медсестра, следуя за ним, тоже выглядела странно: в её глазах мелькнула тень печали — и тут же удивление.

— Вы знали, что в тазовой области у пациента осколок иглы?

Мы с мамой недоумённо переглянулись и дружно пожалы плечами. Медсестра постаралась дежурно улыбнуться:

— Через час вы сможете забрать результаты и диск.

Мы поехали домой, по дороге вспоминая об этом осколке. Когда-то давно папа рассказывал, что в детстве ему ставили укол и иглу сломали — и она осталась у него внутри. Я тогда не поверила: не могла представить, как можно жить буквально с «шилом» в заднице. Странно, конечно: папа говорил правду, а мы ему не верили.

Результаты КТ нас взволновали: множественные образования в печени, образование головки поджелудочной железы, образование левого надпочечника, асцит.

Онколог из нашего города отправил папу в краевой онкологический центр. Надо было ехать в другой город — большой, суетливый и непонятный. И ехать быстро: тянуть нельзя.

Я замерла, страх сковал меня, я оглядывалась по сторонам в поисках водителя для папы — но кроме меня и мужа никого с машинами не было, к кому можно было бы обратиться. Я испугалась дороги: час езды по трассе и столько же по большому, неизвестному городу. Поде-

лившись с мужем, что папу направляют в краевой центр, я надеялась на его помощь. Муж был во мне уверен. Он невозмутимо сказал:

— Ну конечно, езжайте.

Мне осталось только хлопнуть глазками, проглотить слёзы страха перед дорогой. Стало обидно, что муж даже не предложил помощь. Мне так хотелось, чтобы он взял всё в свои руки. Я стиснула зубы и процедила: «Ну ладно». Хотя было, конечно, совсем не ладно.

Здесь, в этот момент, началось моё настоящее взросление. Мой первый шаг в крутом подъёме. Я думала, что стала взрослой, когда мне исполнилось восемнадцать: уверенно шагая по жизни и принимая решения самостоятельно, я считала себя рассудительной и умной.

Но на самом деле до этого момента я не сталкивалась лицом к лицу со своими настоящими страхами. Наверное, умела их обходить, избегать, уклоняться. Да, я шла вперёд — но там, куда я шла, не было так страшно. А иногда даже маячили бонусы: научишься водить машину — не придётся стоять на остановках и толкаться в переполненном автобусе.

Сейчас никаких бонусов передо мной не висело. Сойти с дистанции не получилось.

Все дороги привели меня в этот момент, когда ни налево, ни направо, ни вверх, ни вниз нет хода — только вперёд. Туда, где страшно. И даже глаза закрыть нельзя.

Мы поехали в краевой онкологический центр. Выезд был в 4:30 — пока трасса свободна. Я знала от своей коллеги, что там живая очередь. Чтобы попасть к онкологу, надо приезжать за два часа и записываться в лист ожидания.

Моя коллега — мой наставник. Потрясающая женщина. Она учила меня тонкостям работы, когда я только туда устроилась. Мне казалось, что я её знаю очень давно. Пару лет назад у неё случилось несчастье: ей поставили диагноз — рак груди, четвёртая стадия. Маленькая, хрупкая шестидесятилетняя женщина, которая курила как паровоз. Вся её жизнь — сплошное преодоление, и вот судьба снова даёт ей испытание. Как будто спрашивает, подкидывая очередную карту с несчастьем: «А вот это ты сможешь преодолеть?»

Да, это было тяжело, больно, было много слёз — но она прошла и это. Операция, химиотерапия, ремиссия — всё это было у меня на глазах. Она делилась с нами переживаниями, страхами, болью и победами. Именно её опыт и сила духа дали мне веру, что и у моего отца всё получится. Мы всё преодолеем. Он мужчина, он сильный. Я в него верила. Других вариантов быть не может. Если у моей наставницы, слабой, больной женщины получилось выкарабкаться, то у моего отца и подавно получится.

Перед первой поездкой я изучила дорогу, запомнила карту, где и куда сворачивать по городу, и, конечно, включила навигатор. Когда хорошо представляешь себе путь, уже не так страшно ехать.

Первый раз я просто отвезла родителей к центру и просидела в машине, пока они стояли в очереди, а потом были на приёме. Врач сказал, что надо пройти обследование в их центре, и дал направление. Предстояло ездить туда чаще и больше.

Я старательно работала водителем для родителей, планировала поездку, договаривалась о времени, отпрашивалась с работы.

В четыре утра я подъезжала к дому родителей — они уже были готовы. В прошлый раз мы ехали втроём, а в этот раз папа стоял один.

— Привет, Наташенька, — сказал он, усаживаясь на переднее сиденье, где обычно сидела мама.

— Привет. А мама где?

— Да что она с нами поедет — место только занимает. Машинка маленькая, а она вон какая. Так машине легче будет, — бодро, с небольшой иронией сказал папа.

Я пожалала плечами, и мы поехали. Мама вышла нас проводить, я помахала ей рукой. Отъезжая, я посмотрела в зеркало заднего вида и увидела, как мама крестит нас.

Странно. Я раньше за ней такого не замечала.

Июль, рассвет, трасса, скорость. Как бы мне ни было страшно, но я люблю скорость. С каждой поездкой я чувствовала себя всё увереннее и ехала быстрее. Мир только просыпался, и ехать по пустынной трассе было особым удовольствием — как будто расправляешь крылья. Зелёные поля, пологие холмы вдалеке и розовеющее чистое небо.

Есть там такой участок дороги — крутой подъём в гору, две полосы в каждую сторону. Мы подъезжали к этому участку каждый раз в тот момент, когда солнце только выглядывало из-за горы и заливало всё ослепительным жёлто-розовым светом. Получалось, что мы ехали прямо навстречу солнцу. Это было завораживающе прекрасно.

В этот раз, поднимаясь в гору и ослепнув от солнца, я увидела перед собой грузовик. Подъём был очень крутым, грузовик ехал медленно, а «Матиз» не сильно тянул гору. Поэтому я старалась разогнаться перед подъёмом, насколько это возможно.

Увидев грузовик, я перестроилась на вторую полосу. И тут же услышала сзади нетерпеливый, быстро приближающийся сигнал. Кто-то требовал уступить дорогу, но я не могла: я уже шла на обгон.

Машина сзади, не сбавляя скорости, повернула направо, чтобы объехать меня с правой стороны.

Моё сердце замерло. Я отпустила газ и начала сигналить, понимая, что водитель не видит грузовика из-за солнца. Несмотря на свою скорость, он сумел среагировать, затормозил. Я же сильно испугалась. Волна адреналина от груди сползла в живот и растеклась по ногам. Ноги стали ватными. Я выдохнула.

Папа, сидя рядом, даже не понял, что произошло. Торопыга обогнал нас, как только я уступила ему дорогу, и полетел дальше испытывать судьбу.

Дорога не прощает ошибок. Я это прекрасно понимала — и каждый раз убеждалась в этом, видя очередную аварию. Поэтому мне страшно ездить по трассе, особенно когда не можешь контролировать своё желание и незаметно для себя всё сильнее давишь на газ. Благо, мой «Матизик» подаёт мне сигналы, что я сильно разогналась: тогда его начинает подбрасывать вверх.

Мы приехали за час до открытия и благополучно припарковались. Приехали бы чуть позже — встать было бы уже негде.

Мы с папой прилегли поспать прямо в машине: у нас был час до начала беготни по кабинетам и сдачи анализов. План на сегодня был большой.

8:00. Подъём. Сначала нужно сдать кровь на онкомаркеры. Папа натошак, поэтому бежим сдавать кровь. Я спросила, где и когда забрать результат. Мне ответили, что через два часа — на столике в коридоре, там будут лежать результаты.

Пока готовятся результаты, папе надо пройти УЗИ и рентген.

Мы бежим на УЗИ. После УЗИ у меня остался неприятный осадок.

Я ждала в коридоре. Врач вышла ко мне и, пока папа одевался в кабинете, начала задавать вопросы: сколько папа пьёт, какой образ жизни ведёт. Потом объяснила, что у него начинается цирроз печени.

В моём представлении папа не настолько много пьёт, чтобы заработать цирроз. Мне стало не по себе. Я растерялась.

Почему она вообще стала спрашивать это у меня, когда пациент находился рядом? Надо спрашивать у пациента.

Я не понимала, что происходит. Все врачи, медперсонал как-то странно себя вели. Почему-то они старались разговаривать не с обследуемым пациентом, а со мной.

Мне был очень неприятен этот момент. Я догадывалась о причине такого поведения, но в моём представлении мира лучше горькая правда, чем вот это всё. И кому, как не врачу, объяснять пациенту о его состоянии?

Мы побежали на рентген. Это было другое здание, и там было пустынно. Бетонные голые стены настраивали на грустные мысли. Создавалось впечатление, что их в последний раз красили ещё в советские времена. Вдоль стен стояли металлические каталки, как в морге, и пара высоких жёстких кушеток вместо скамеек. Атмосфера была пропитана запахом безнадежности.

Никого не было.

Я постучалась в кабинет. Высокая и холодная женщина сказала подождать в коридоре.

Как, наверное, тут тяжело работать изо дня в день, всю жизнь, — подумала я.

Через несколько минут она пригласила войти пациента. Я осталась одна.

Происходящее напоминало сцену из фильма ужасов. Мне стало зябко. Я усиленно старалась не думать о плохом.

«Надо просто следовать плану», — говорила я себе и старалась представить себе что-то приятное.

Спустя некоторое время папа вышел из кабинета. Он выглядел несколько усталым, сел рядом со мной. Нам сказали подождать результат.

Мы сидели на твёрдой кушетке. В коридоре был только полу-тусклый дневной свет от окна. Мой взгляд скользнул на папу. Он сидел прямо, с вытянутой спиной. У него всегда была ровная осанка, хищный профиль. Он что-то высматривал прямо перед собой. Мой взгляд скользнул ниже. У него на плече, на длинном кожаном ремне, висела сумка из коричневой кожи. Я смотрела на эту сумку, на его плечо, на то, как она на нём держится.

И в какой-то момент я увидела эту сумку без его плеча.

Знание — что он уже никогда не возьмёт её в руки, потому что его больше нет — молнией пронзило моё сознание и исчезло. Это было, что то нереальное и бесконечно тоскливое.

Нет. Стоп. Вот сумка. Вот плечо. Вот отец. Я проморгалась.

Из кабинета вышла женщина. Она посмотрела на нас, потом вокруг и спросила:

— Вы одни? С вами ещё кто-то есть?

Мы покачали головой.

Она пригласила меня в кабинет. Папа остался в коридоре.

Наверное, мой вид не вызывал доверия, — осенило меня. Мой рост гораздо ниже среднего — «метр с кепкой», шутила я сама над собой. Наверное, это и сбивало врачей с толку. Может, они думали, что я слишком мала. Выглядела я моложе своих лет. Но если подумать — не настолько уж моложе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.